

Глупый олень Бэмби лежал на ковре рядом с Августом и давно уже спал. Услышав голос Рафаэля, он насторожился, уставился на него чёрными, как колокольчики, глазами и, убедившись, что пришёл знакомый, снова улёгся, прикрыв веки.

Август тоже был уже почти без сознания. Увидев Рафаэля, он по привычке протянул руки, чтобы его обняли.

Рафаэль снял пальто, как следует потер ладони, дожидаясь, пока они перестанут быть холодными, как лёд, и только потом подошёл. Сначала он одобрительно потрепал Бэмби, а потом взял Августа под мышки, приподнял и позволил мальчику обвить его шею руками. Тот бессильно свесил голову набок, полностью доверяя ему.

Рафаэль принялся и не почувствовал привычного молочного запаха — только горьковатый аромат «исламского вина». Придерживая Августа одной рукой за попу, другой он погладил его золотистый затылок и с упрёком спросил:

— Вино пил?

— Это кофе! — возразил Август.

— Всё равно, — ответил Рафаэль. Для него, человека из прошлого, кофе тоже был своего рода вином, только безалкогольным, но всё равно действующим на мозг. Он не одобрял, чтобы Август в таком возрасте прикасался к подобным вещам. — Иначе почему ты до сих пор не спишь?

— Я ждал тебя, — беспокойно потёрся Август о его шею, словно назойливый котёнок.

— Зачем ждал? — Голос Рафаэля смягчился так, что он сам удивился. Он понёс Августа по лестнице. — Больше не жди, ладно? В последнее время я очень занят, иногда засиживаюсь в кабинете до глубокой ночи. — Через два часа начнётся новый день.

Эти слова заставили Августа замолчать. Он собирался объяснить, зачем ждал Рафаэля, но теперь, зная, как тот занят, решил не обременять его своими мелкими проблемами.

— Но то, что ты меня ждал, делает меня счастливым, — Рафаэль крепко прижал Августа, положив ему руку на затылок. Ощущение, что тебя кто-то ждёт дома, было поистине прекрасным. Неудивительно, что в прошлой жизни Август так этого жаждал. Теперь Рафаэль и сам чувствовал себя невероятно легко, и, если бы не боязнь помешать Августу заснуть, он бы даже потанцевал с ним при лунном свете — только они двое, шаг вперёд, шаг назад, в этой изящной двусмысленности.

Август молчал, лишь тихо прошептал, прижавшись к его плечу:

— Тогда я буду ждать тебя каждую ночь.

Изначально он так и планировал, но потом, потом...

— Если будешь поздно ложиться, не вырастешь, — тихо рассмеялся Рафаэль. Его смех был похож на лёгкое прикосновение пера, от которого сердце невольно таяло.

Август подумал: да, именно поэтому он и не решался засиживаться допоздна.

В прошлой жизни его рост в сто семьдесят один сантиметр считался невысоким для

северянина; многие женщины на каблуках оказывались выше, и Август долго из-за этого комплексовал. Хотя он унаследовал половину европейских генов — разве европейцы не должны быть высокими? В этой жизни он стал полноценным европейцем, значит, наверняка вытянется, правда?

Когда Рафаэль уложил Августа в кровать, тот уже почти сомкнул веки, готовый встретиться с богом сна. Но он всё же нашёл в себе силы спросить:

— Чем ты занят? Может, стоит поговорить с дядей Ричардом? Он не должен так с тобой обращаться.

Раньше Август удивлялся, почему Ричард II изменил своё отношение к нему, незаконнорожденному сыну своей матери и её любовника. Теперь он понял: Ричард изменился не из-за кровных уз, а потому что Рафаэль становился всё полезнее. Как и Кромвель, он был инструментом в руках Ричарда. К инструментам, как известно, относятся бережнее, особенно если их происхождение сомнительно. От архиепископа Уолси до Рафаэля — их судьбы в первой половине жизни складывались ужасно.

— Кромвеля казнят, — бросил Рафаэль, словно бомбу. И судьба этих инструментов во второй половине жизни не лучше.

— !!! — Август мгновенно проснулся, широко раскрыв глаза, которые из голубых стали почти тёмно-синими. Он схватил холодную руку Рафаэля — та была похожа на кусок металла, который не мог согреться. — Почему? Что он сделал?

— Он представил Ричарду «кошмар из Кливса».

— И... только из-за этого? — Кромвель обманул Ричарда II насчёт внешности принцессы Анны, что, конечно, было неправильно, но разве за это стоит казнить?

— Ещё потому, что волна народного недовольства Кромвелем уже почти вышла из-под контроля, — Рафаэль вдруг почувствовал желание выговориться. Обычно в таких случаях он бы ничего не сказал, просто уложил бы Августа спать, но на этот раз решил рассказать о своей «богатой событиями» жизни. — Ты знаешь, Ричард болен?

— М-м? — Август был сбит с толку, не понимая связи между этими событиями.

— Ричард болен. Его каждую ночь мучают кошмары, он стал подозрительным, считая, что это наказание Бога за нечестивость. Потом информация просочилась, и о ней узнал герцог Норфолк. Он — дед нынешней невесты короля и принадлежит к консерваторам. Консерваторы хотят использовать этот страх Ричарда, чтобы заставить его вернуться в лоно католицизма. Или, можно сказать, Ричард уже готов это сделать.

«Акт шести статей» сейчас лежал на столе в кабинете Рафаэля, и в нём чётко говорилось: «Поддержать устранение разнообразия мнений».

Более того, Ричард намеревался восстановить старые обычаи вроде пасхальных молитв и поклонения кресту.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Дядя начнёт преследовать протестантов-евангелистов, — лицо Августа побелело. Каждое изменение в религии влекло за собой смерть множества людей. Ричард поддержал

протестантизм, а теперь собирался его подавить.

— Евангелисты ещё могут отделаться, а анабаптистов отправят на костёр, — не спрашивай, откуда я это знаю. Я отвечаю за подготовку к этой секретной операции, поэтому так занят. — Кромвель, который когда-то конфисковал католические церкви, станет началом этих перемен.

— Ты не должен вмешиваться в это! — Август схватил Рафаэля за руку. — Ты работаешь на дядю, он даёт тебе власть — это справедливый обмен.

Но если Ричард на самом деле хочет сделать Рафаэля козлом отпущения, чтобы потом принести его в жертву, это недопустимо!

Август всегда считал Ричарда II тем самым добрым наставником, который с энтузиазмом говорил: «Всё, что захочешь, — твоё», но забывал, что Ричард II также был известен своей жестокостью. Для него, кроме брата, ничто не было неприкосновенным.

Рафаэль смотрел на Августа, в глазах которого отражался только он, и тот, казалось, дрожал от страха. Рафаэль вдруг рассмеялся — смех разошёлся кругами, будто камень упал в воду.

— О чём ты беспокоишься? Не думай о плохом. Я занят не потому, что боюсь разделить судьбу Кромвеля, а потому что он знает слишком много, и я хочу, чтобы все его знания стали моими в одночасье. Посмотри, как ты испугался, — ты такой милый. Когда Кромвель умрёт, мы сможем переехать в более просторный и удобный дом. Разве это не радостно?

Август смотрел на Рафаэля с недоумением. Тот был слишком искусен, и Август не мог понять, был ли Рафаэль искренним или просто играл с ним. Его смех казался настолько искренним, в глазах плескалась насмешка, а голос звучал так легко...

— Ты действительно уверен, что всё будет хорошо?

<http://bllate.org/book/15929/1424175>